

Как только Шпатель завершила доведение своей "Арахны" до кондиции, на улице наступила ночь. Быстро перекусив, она убежала к мальчикам, которые уже помирали от скуки.

Впрочем, эта ночь отметилась немного другими событиями. Но всё-таки следует начать издалека...

"Кем бы ты не был, реальность догонит тебя и убьёт. И не факт, что ты угодишь в анналы веков, скорей в пролетарскую жопу пойдёшь." - гласила эпитафия на памятнике, оставленная Шнурком на могиле своего знакомого, придурковатого сферала Жирафяша(жираф без шеи, вот хохмочка!), который помер крайне нелепо - на спор выстрелил себе из двустволки в очко, в итоге пережив кратковременную, но жуткую боль, сравнимую разве что с одновременным рождением десятерни. И самое главное - если бы он выстрелил обычной дробью, то исходом было бы в большинстве случаев просто подпрыгнуть вверх, но на какой-то фиг он взял усиленную...

Слава богу, он не смог найти стирающие пули, иначе история стала бы ещё смешнее. Впрочем, самое время, как говорят сектанты, поговорить о Боге... И тут, увы, отрадной картины нельзя изобразить, хоть ты тресни.

Абсолютное большинство мультяшек не видели смысла в богах, ведь трудно верить в Создателя, что на небесах, когда ты сам своего создателя видел в лицо - а таких было немало, взять того же Алеко. Непреодолимая тоска, вызванная конечностью бытия, закономерным образом ведущая к мистицизму, им была неведома. Если кто-то и заморачивался смыслом жизни и прочей ерундой, то через минуту об этом забывал. Словно эпикурейцы, они верили, что там, где смерти нет - есть мы, а где смерть есть - нас больше нет. А что говорить про грех? Они в массе своей грешили напропалую, словно были не жертвы мультяниума, а бесы.

Впрочем, была одна раса мультяшек, которую отличить от бесов можно только тыкнув в неё пару раз крестом - потому что первый раз такой "бесёнок" повопит в шутку, а во-второй раз скажет: "Ты дурак?". Третий раз не стоит, ибо этот лже-демон просто двинет тебе в харю. Это были хазбинцы, внешне похожие на чертей самых разных окрасов и форм. Обладая зашкаливающим самолюбием, они придумали себе бред на уровне сынов атлантов да гиперборейцев - демоническое происхождение, хоть и были такими же, как и остальные мультяшки, плодами роковой утечки мультяниума. Впрочем, в страсти собирать все пороки, как Вован любил собирать несвежий кал, они были впереди планеты всей, из-за чего остальными мультяшками, вовсе не стеснявшиеся прелюбодеяния и всеобщей неумеренности, считались не самыми лучшими примерами для подражания. Но самой главной привычкой, за которую их недолюбливали, была неосознанное стремление кого-нибудь взять да искусить. Просто так, чтобы поржать.

Говорят, что как минимум один сельский священник попался на эту уловку. Звали его то ли Онуфрий, то ли Иннокентий. Он пришёл в хлев, чтобы прогнать бесов, но вместо этого лже-бесы прогнали его.

Даже если бы человек с небес свесил свою вековую бороду и начал угрожать жуткими карами, какая-нибудь шуруповёртка Шпатель, юберфогель Йозеф или чиби Этан просто бы сказали ему

"И чё?".

В общем, если считать веру социальным конструктом, у них не было предпосылок к её созданию. Даже мультяшки расы дорби, которые называли себя христианами, жестоко попрали заповедь "не сотвори себе кумира": поклонявшись не сколько Христу, сколько пастору по имени Мистер Наживка. С другой стороны, он был симпатичным, можно сказать, немного смазливый голубоглазым мужчиной средних лет в рубашке с галстуком, с которым любая женщина была бы счастлива. Может, поэтому он приглянулся дорби? Непонятно было, к какому движению относил себя этот пастор - он был американцем, а у американцев едва ли не каждый верующий способен взять и на досуге выдумать новую доктрину, за что в далёком-далёком Средневековье было принято бросать в костёр при стечении зевак. В любом случае, проповеди мистера Наживки оказывали совершенно зомбирующее действие на дорби. Сами дорби внешне были похожи на смешарикоподобных сфералов - разве что глаза у них находились на самой макушке, а не в середине заменявшей тело огромной головы, но были у них и свои черты - в частности, уродливая привычка чуть ли не выворачиваться наизнанку при каждом слове - так это и выглядело на практике, честное пионерское. Также они говорили настолько быстро, что их было невозможно понять человеку постороннему.

Всё бы ничего, но ночью Лаэрта забыла выключить свой любимый телевизор, а ровно в час ночи по одному из каналов почему-то пошла включенная на полную громкость проповедь этого красавца. Этого хватило для того, чтобы её услышали дорби - Мэри-Джейн и Иеремия.

-О, великий Наживка! Мы придём, чтобы спасти тебя от еретиков! - протараторила Мэри-Джейн, разверзнув челюсть, словно удильщик в толще океанских впадин, намеревающийся откусить кусок падающей китовой туши пожирнее.

Удостоверившись, что голос их кумира шёл из двухэтажного здания, Мэри-Джейн и Иеремия быстро прибежали к его стене. Луну заволокло густыми тучами; стояла тьма.

-Так что же будем делать? - спросил шёпотом Иеремия свою жену, которая выглядела как жёлтый шарик с глазами на макушке и туфлями на каблуках. Впрочем, иногда Мэри-Джейн скукоживалась до состояния простого жёлтого шарика.

-Всё ясно. - сказал Иеремия, из ниоткуда достал отмычку и произнёс: "Воровство, конечно, тяжкий грех, но во имя пастора Наживки...". Замок был взломан - всё-таки Шпатель, при всём своём техническом гении не догадалась поставить хоть какую-то систему защиты, и два вора - один синий, с бурым пучком волос на голове, другая - жёлтый, неразлучные, словно Бонни и Клайд, вошли в коридор.

Все вокруг спали - кто на диване, кто под ним, кто на коврике, как Алеко, кроме неразлучных Шпатель, Карима и Шнурка, которые, выражаясь языком священных текстов, в поте морд своих плодились и размножались, и в пылу любви два парня и одна девушка не заметили, как их во прямо время йиффа обносят какие-то фанатики. Мэри-Джейн и Иеремия покатались по лестнице вверх, словно мячики, а потом забрались в комнату, где мирно почивала, словно слившись единой плотью со своим пледом тёплая, уютная, клетчатая Лаэрта, не подозревая, что два дорби пришли забрать объект её любви всей жизни - ЖК-панель. Иеремия аккуратно

положил брошюру "Утешение в тяжкие времена" на пол - во дурак! После этого грабители в лице Мэри-Джейн и Иеремия потащили телевизор с пастором Наживкой, вытащив его из розетки и поставили это чудо на подоконник. Затем они спрыгнули с высоты второго этажа с телевизором и побежали в сторону своих кругов.

Всё бы ничего, но спящая Лаэрта внезапно приоткрыла свой левый глаз...

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1770252>